

Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы

Т. М. Потемкина

Памяти доктора исторических наук
Исакова Абдулло Исаковича посвящается

The article is devoted to classification and description of the bronze ornaments obtained from the burial ground Dashti-Kozyi on the Zeravshan river. This burial ground is one of the most investigated monuments of the steppe Bronze culture in the Zeravshan Valley. The author gives broad analogies to the considered types of the ornaments. Lack of arms, tools and animal bones in the burial complexes of the burial ground is explained by specific features of the economic and social development of the Andronovo tribes in the surroundings of the agricultural population of Middle Asia.

Могильник Дашти-Козы, раскопанный в 1984–1986 гг., до последнего времени остается одним из наиболее южных стационарно исследованных памятников культуры степной бронзы [1]. И хотя вскрытая площадь его (400 кв. м) и количество сооружений (27 погребений и 8 жертвенных ям) не так уж значительны по сравнению со многими подобного вида раскопанными памятниками в степной и лесостепной зоне Евразии, особое местоположение (в горной части верховьев р. Зеравшан), вскрытие сплошной площадью, исключительно сложные условия полевых работ, тщательность проведенных раскопок и всесторонний анализ полученных материалов делают памятник весьма важным и интересным объектом в изучении многих вопросов проблематики степной бронзы. Результаты археологического анализа материала, привлечение антропологических, палинологических, металлографических определений позволяют в той или иной мере осветить ряд наиболее актуальных вопросов, связанных с изучением андроновской культурно-исторической общности: культурной атрибутики и соотношения культурных типов; хронологии; мировоззренческих представлений; исходной территории, мотивов и путей продвижения в Среднюю Азию степных групп населения; характера контактов и взаимоотношений с оседлоземледельческим населением.

Исследование данного памятника автором стало возможным благодаря любезному приглашению таджикских коллег, а именно руководителя Саразмского отряда Пенджикентской экспедиции Института истории Таджикской АН д-ра ист. наук А. И. Исакова, при всемерной поддержке которого были произведены раскопки.

Результаты полевых исследований могильника опубликованы [Исаков, Потемкина, 1989, с. 145–169]. Многоплановость и рамки указанной публикации не позволили с достаточной полнотой охарактеризовать погребальный инвентарь памятника. Автор делает попытку восполнить этот пробел. Погребальный инвентарь могильника состоит из украшений и керамики. Орудия труда и оружие отсутствуют. Исключением являются шесть округло-овальных камней со следами срабатанности (терочки?), обнаруженных в четырех погребениях. Полностью отсутствуют остатки жертвенных животных, что отличает памятники культуры степной бронзы Средней Азии от андроновских и срубных более северных регионов.

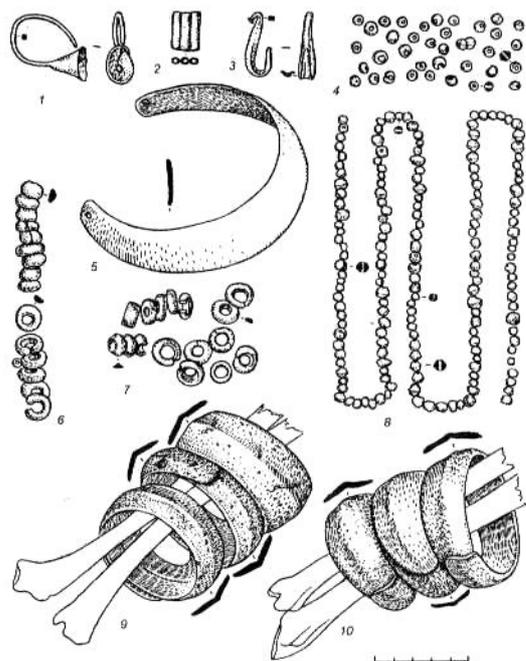
В предлагаемой публикации будут рассмотрены только украшения. Богатый набор украшений могильника и возможность четкой фиксации их в погребениях позволяет реконструировать как способ ношения отдельных видов украшений, так и некоторые детали одежды, являющейся, как известно, одним из древнейших элементов материальной культуры. Кроме того, украшения, как и керамика,— один из основных критериев идентификации и надежный показатель социальной, половой, возрастной принадлежности их носителей. Они являются в определенной мере и отражением мировоззренческих представлений конкретной группы населения.

В могильнике Дашти-Козы украшения встречены в 16 погребениях (предположительно в женских и детских) из 26. Украшения не отличаются особым разнообразием: имеется всего 12 их разновидностей. Наиболее многочисленны бронзовые бусы и браслеты, пастовые ребристые пронизи, обоймы. Остальные украшения встречены в нескольких или единичных экземплярах: гривна, серьги с раструбом, зеркала-бляхи, височные кольца, подвески, крючковидная серьга, гипсовые дисковидные бусы, лазуритовая бусина. Украшения, подобные основной части из найденных в могильнике Дашти-Козы, известны в других комплексах степной бронзы Средней Азии, но встречены главным образом в случайных, отдельных или разрушенных погребениях и не являются надежной основой для реконструкций.

[1] Термин «культуры степной бронзы» уже более 20 лет находится в понятийном аппарате специалистов, занимающихся первобытной историей населения степной-лесостепной зоны Евразии. Под определением «культуры степной бронзы», «степное население эпохи бронзы» автор понимает культуры, сформировавшиеся и развивавшиеся в Евразийских степях. Сходная хозяйственная и культурная основа развития этих групп населения, постоянные контакты между ними способствовали выработке единого облика культуры. Благодаря специфике хозяйства, скотоводческого в своей основе, носители культур степной бронзы были достаточно подвижны и расселялись на значительных территориях как в северном (в лесостепные регионы), так и в южном (полупустыни, пустыни, предгорные области) направлениях, образуя огромные культурные общности. В то же время при значительном сходстве «степные племена эпохи бронзы» характеризуются многообразием культурных явлений, связанных с различными природно-географическими условиями, особенностями хозяйственной деятельности и направлениями связей. Наиболее четко и емко понятие «культура степной бронзы» сформулировано М. А. Итиной [1977, с. 5–7], точку зрения которой автор данной публикации разделяет полностью.

Выделяются украшения крупные, массивные, и мелкие. К первым относятся гривна, браслеты, бляхи-зеркала.

Редкая находка — бронзовая кованая *гривна*. Она изготовлена из плоской пластины шириной 2,4–1,7 см (рис. 1, 5). Оба края заужены и закруглены, на концах имеется по одному отверстию для привязывания. Для удобства ношения нижний край гривны откован больше, тоньше и слегка отклонен на внешнюю сторону. Аналогии этому типу изделий нам не известны. Шейные гривны из желобчатых пластин встречаются в алакульских погребениях Притоболья [Кривцова-Гракова, 1948, с. 111, рис. 38, 1; Сальников, 1952, с. 57, рис. 5, 1]; из прямоугольного в сечении прута — в андроновских погребениях Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1974, с. 39, рис. 8; Кобанов, Кожин, Черных, 1975, с. 235, рис. 2, 1]. Предполагается, что гривны относились к числу социально значимых украшений.

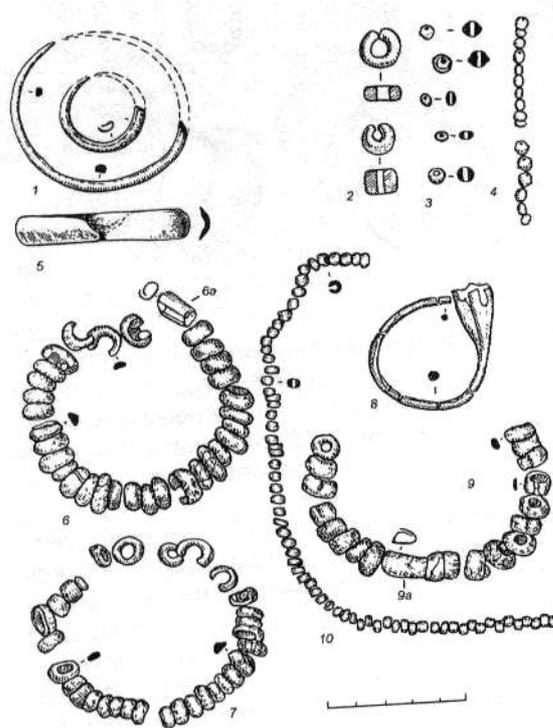
Рис. 1. Могильник Дашти-Козы, погр. 15.

Украшения из бронзы.

1 — серьга с раструбом; 2 — пастовая пронизь;
3 — серьга; 4, 8 — бисер; 5 — гривна; 6, 7 — крупные бусы; 9, 10 — браслеты.

Бронзовые *браслеты* (27 экз.) обнаружены в девяти погребениях. Они располагались на обеих руках погребенных по одному (5 случаев), по два (1), по три (2), по четыре (1) браслета на каждой руке. Все браслеты — литые, массивные, широкие (3,5–1,8 см), диаметром 5,5–6,5 см, с ребром по внешней стороне и желобком изнутри. Концы слегка заужены, неровно раскованы и сглажены или закруглены, заходят друг на друга (рис. 1, 9, 10), либо разомкнуты (рис. 2, 5; 3, 18, 22). На трех браслетах есть отверстия — результат литейного брака (см. рис. 1, 9; 2, 22). В коллекции имеется один браслет кованый из тонкой ребристой пластины шириной 2,1–1,0 см, с зауженными и закругленными несомкнутыми концами. Встречен в комплексе с литыми браслетами.

Желобчатые браслеты с заходящими и разомкнутыми концами известны на широкой территории в культурах эпохи бронзы — срубной [Кривцова-Гракова, 1955, с. 66, рис. 15, 7, 20; Попова, 1953, рис. 2, 1, 2], андроновской [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 36, 8; Потемкина, 1985, рис. 80, 1, 2, 9, 10, 17; 101, 3–6; Матвеев, 1998, с. 246–248, рис. 27, 8, 9; 41, 12–14]. Но такие признаки, как массивность, наличие ярковыраженного ребра и желобка с внутренней стороны, — отличительная черта браслетов из комплексов степной бронзы среднеазиатского региона [Кожемяко, 1960, с. 88, рис. 9, 1; 13, 2, 5; Итина, 1961, с. 76, 77, рис. 25, 26; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 204, табл. XXIII, 5–9; Аскарлов, 1970, рис. 3, 11, 12; Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 102; рис. 3, 13, 14; Аванесова, 1991, с. 67–68, рис. 52, 53]. Подобного типа браслеты встречаются и в могильниках земледельческого населения [Хлопин, 1983, с. 26, рис. 8, 9].

Рис. 2. Могильник Дашти-Козы.

Украшения из бронзы.

1 — серьги; 2, 6, 7, 9 — крупные бусы; 3, 4, 10 — бисер; 6а, 9а — обоймы; 8 — серьга с раструбом. 1, 5–7 — погр. 9; 2–4 — погр. 12; 8–10 — погр. 7.

Бронзовые *бляхи-зеркала* (4 экз.) обнаружены в трех погребениях, во всех случаях в области груди. Все они — литые, дисковидной формы, диаметром 3,5–4,5 см, с выпуклой серединой и подпрямоугольной или полуовальной ручкой-петелькой на внутренней стороне (рис. 3, 1, 2, 14). Видимо, зеркала подвешивались на шнурке на шею или крепились к одежде каким-либо другим способом.

Дисковидные зеркала небольших размеров с петелькой, аналогичные вышеописанным, известны в единичных памятниках степной бронзы Средней Азии [Аскарлов, 1969, с. 61, рис. 2, 7; Итина, 1977, с. 133, рис. 67, 18; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 148, 150, рис. 1, 5], в федоровских комплексах Центрального Казахстана [Максимова, 1961, с. 66, рис. 2б; Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 75, табл. XII, 1], в памятниках кульсайского типа Восточного Семиречья [Марьяшев, Горячев, 1999, с. 47, 53, рис. 5, 5; 9, 15], в массовом порядке — как предмет культа — в карасукских памятниках Южной Сибири [Комарова, 1952, с. 42, рис. 22, 1, 30; 25, 1–7], в андроновских комплексах на Енисее [Максименков, 1978, с. 72, табл. LIII, 4].

Эти изделия находят также близкие аналогии в Китае в эпоху бронзы среди иньских и раннезападночжоуских образцов, датируемых рубежом II–I тыс. до н. э., где они считаются предметом чужеродного производства [Варенов, 1985, с. 166–167, рис. 2, 2, 3].

Более многочисленны мелкие, легкие украшения — серьги, височные кольца, бусы, пронизи.

Серьги нескольких типов. Преобладают *серьги с раструбом*, диаметром 4,0–4,5 см. Зафиксированы в четырех погребениях: в двух — по 2 экз. (в том числе золотые) и в двух — по 1 экз. Золотые серьги — литые, один конец заострен, второй расширен в раструб, края которого дополнительно раскованы [Исаков, Потемкина, 1989, с. 153, рис. 5, 6]. Бронзовые серьги — кованные, изготовлены из круглого в сечении прута диаметром 1,5–7,0 мм. Один конец заострен, второй расплющен и свернут в конический раструб с заходящими краями. Высота раструба 1,8–2,4 см, диаметр по краю 1,5–1,8 см (рис. 1, 1; 2, 8; 3, 11). У всех серег застежка в виде отверстия на стенке раструба, куда входил крючковидный заостренный конец серьги. По наблюдениям Н. А. Аванесовой, такие детали, как застежка и конический раструб, являются особенностью среднеазиатских серег [1975, с. 69].

Рис. 3. Могильник Дашти-Козы. Украшения.

1, 2, 14 — зеркала-бляхи; 3, 9 — кольца; 4, 17, 20 — крупные бусы; 5, 10, 19 — пронизы; 6, 8, 16, 21 — бисер; 7, 15 — обймы; 11 — серьга с раструбом; 12, 13 — бусы; 18, 22 — браслеты. 5, 10, 12, 13, 19 — паста; 21 — лазурит; остальное — бронза.

1–6 — погр. 25-1; 7–11 — погр. 26; 12, 13 — погр. 24; 14–16 — погр. 8; 17, 18 — погр. 21; 19–22 — погр. 19.

Аналогии серьгам Дашти-Козы имеются в ряде могильников эпохи бронзы Средней Азии [Литвинский, 1962, с. 162; Кожемяко, 1960, с. 85, рис. 5, 2; с. 86, рис. 9, 2; Абетеков, 1963, рис. 36, 1; Аскарков, 1969, рис. 2, 2, 3; Аванесова, 1991, с. 50–52, рис. XIV]. Основные районы распространения серег с раструбом — Северный и Восточный Казахстан [Оразбаев, 1958, табл. IV, 5; Арсланова, 1975, с. 75, рис. 2, 1–3; Ткачев, Ткачева, 1996, с. 76–81], Восточное Семиречье [Марьяшев, Горячев, 1999, с. 47, рис. 5, 1–3; с. 52, рис. 9, 1–3, 11, 12; Рогожинский, 1999, рис. 16, 4, 5], Прииртышье [Генинг, Ещенко, 1973, с. 56, рис. 2, 4], Приобье [Матющенко, 1973, с. 19, рис. 3, 1; 9, 1–5]. Указанный тип серег встречается в андроновских памятниках федоровского типа, что позволяет считать их особенностью культуры федоровских племен [Аванесова, 1975, с. 69–70; 1991, с. 100, рис. 44].

Вряд ли случайным является количество серег в погребении. Видимо, существовала традиция ношения как парных, так и единичных серег. В данном случае весьма интересны наблюдения Г. А. Максименкова по материалам федоровских погребений Енисея: в могилах, где захоронены взрослые женщины, обычно встречаются две серьги; где подростки женского пола и молодые женщины — чаще всего одна серьга [1978, с. 72].

В единичных экземплярах найдены серьги следующих типов.

Серьга крючковидной формы, обнаружена за тазовыми костями. Сечение стержня прямоугольно-ромбическое. Один конец расплюснут, заострен и загнут в крючок; другой отогнут наружу и заканчивается небольшой шишечкой (рис. 1, 3). Данное украшение имеет значительное сходство с трехбусинными серьгами из земледельческих могильников Южной Туркмении [Хлопин, 1983, с. 25–26, рис. 8, 7; табл. XIV, 12, 13; LV, 5, 6]. Сходная серьга известна и в тазабагыябских комплексах на поселении Кокча 15 [Итина, 1977, с. 69; 129, рис. 67, 16], где наряду с тазабагыябской керамикой обнаружены обломки сосудов конца периода Намазга V — периода Намазга VI, изготовленных на гончарном круге.

Совершенно аналогичной формы бронзовые серьги, но с обкладкой золотом обнаружены в могильнике Кумсай в Южном Таджикистане. Они найдены в женском погребении у затылочной части черепа, что позволяет авторам раскопок интерпретировать их как височные подвески [Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 98, 110, рис. 3, 9, 10]. Керамика из погребения — степного облика. Важно отметить, что могильник Кумсай по конструкции погребальных сооружений, типу захоронений и инвентарю близок могильнику Дашти-Козы. В обоих случаях прослеживаются две тесно пе-

реплетающиеся между собой традиции: северная, андроновского круга памятников, и южная, земледельческая. Первая является преобладающей.

Серьги кольцевидной формы двух разновидностей. Одна — диаметром 6,5–7,0 см, из литого подпрямоугольного в сечении прута, с заостренным путемковки одним концом (рис. 2, 1). Найдена под нижней челюстью костяка 1 (предположительно

мужского) в парном погребении 9 [Исаков, Потемкина, 1989, с. 154, рис. 6, 1]. Сходные формы встречены в могильнике и на поселении Сапаллитепа в Узбекистане [Аскарлов, 1977, с. 77, табл. XXXVIII, 7, 14, 16, 19]. Вторая серьга диаметром 3,0–3,2 см, также с одним заостренным и вторым обломанным концом, изготовлена из тонкой бронзовой пластинки, согнутой в трубочку. Внутри сохранились следы органической основы (см. рис. 2, 1).

Височные подвески — кованые, из тонкой желобчатой пластины, с заходящими концами [Исаков, Потемкина, 1989, с. 153, рис. 5, 4, 5], найдены перед лицевой частью черепа. Ширина пластинок в средней части меньше, чем на концах. По форме изделия относятся к типу украшений, известных как височные подвески в полтора оборота, которые имели широкое распространение, как и трубчатые серьги, у населения ряда культур эпохи бронзы Евразии [Кривцова-Гракова, 1948, с. 111, рис. 35, 6; 37, 3; Кожемяко, 1960, с. 89, рис. 9, 8; с. 104, рис. 18, 2; Сорокин, 1962, с. 57; табл. XXXVII, 20; XXXVIII, 3, 4; Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 138, табл. XIII, 1, 6, 12; Максименков, 1978, с. 72, табл. LIII, 3, 4; LIV, 6, 8; Аванесова, 1981, с. 35, рис. 2, 4; с. 37, рис. 5].

Встречены также следующие единичные мелкие бронзовые изделия.

Крючок кованый из проволоки округлого сечения. Концы оттянуты, заострены и загнуты на внешнюю сторону. Один из концов более толстый, загнут в петлю [Исаков, Потемкина, 1989, с. 153, рис. 5, 2]. Предмет обнаружен в одном из наиболее богатых погребений, в области груди, рядом с зеркалом-бляхой и колечком из бронзы. Аналогичные крючковидные изделия в могильниках эпохи бронзы известны только в Южном Таджикистане (Кумсай и Тандырайул). Оба «крючка» также найдены в женских погребениях совместно с другими украшениями, но в одном случае — в области шейных позвонков рядом с бронзовыми бусами и пастовыми пронизями [Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 99, рис. 3, 4], в другом — в области черепа вместе с серьгой с раструбом [Виноградова, 1991, с. 71, рис. 7, 4]. Авторы считают эти предметы подвесками. Однако форма изделий и местонахождение предполагают использование их в качестве застежек и для крепления украшений.

Два кольца: одно — кованое, диаметром 2,2–2,5 см, из желобчатой пластинки шириной 1,2 см. Найдено в области груди рядом с крючком и зеркалом-бляхой [Исаков, Потемкина, 1989, с. 153, рис. 5, 3]. Второе кольцо, диаметром 1,2 см, из плоской пластинки (рис. 3, 3), найдено перед лицевой частью черепа вместе с бисером [Там же, с. 159, рис. 9, IV]. Форма и размеры колец свидетельствуют о принадлежности их к типу кольцевых подвесок, использовавшихся для украшения головного убора (рис. 3, 9) [Аванесова, 1991, с. 56; рис. 56, 2, 4].

Самые многочисленные в коллекции — бусы и пронизи различных форм.

Бронзовый *бисер* встречен в 13 погребениях в количестве от нескольких штук и десятков до нескольких сотен. Всего — более 2000 экз. Преобладают кованые и рубленные бусы из плоской проволоки шириной 4–5 мм, диаметром 5–6 мм. Часть бус изготовлены из ребристой и полуовальной проволоки, что придает им биконическую форму. Большая часть имеют ребристую поверхность. Немногочислен литой бисер по восковой модели округлой, биконической и бочонкообразной формы диаметром 4–6 мм (рис. 1, 4, 8; 2, 3, 4, 10; 3, 6, 8, 16). Местонахождение бисера по отношению к скелетам погребенных различно: на черепе и вокруг него, за спиной вдоль позвоночника, в области грудной клетки, кистей, тазовых костей, ступней. Нет сомнения, что бисером в основном украшали одежду. Так, в погребении 15 бисером в один ряд с интервалом 2–3 см был расшит низ кофты или накидки, подол платья, края рукавов и ворота, головной убор. Бисером была украшена и обувь [Исаков, Потемкина, 1989, рис. 7]. Использовался он также как составная часть ожерелья для украшения волос, являясь частью наконечников. В отдельных случаях четко прослеживаются следы узоров на одежде, выполненных бисером, — из горизонтальных рядов, зигзагов, ромбовидных и прямоугольных фигур.

Бронзовый бисер, аналогичный вышеописанному по форме и способу ношения, широко представлен в культурах эпохи бронзы степей и лесостепей Евразии, особенно у населения андроновской общности во всех регионах ее обширного ареала. Ближайшие аналогии имеются в памятниках степной бронзы Средней Азии [Аскарлов, 1970, с. 64–65; Аванесова, 1981, с. 35–36]. Яркие параллели известны в синташтинско-петровских и алакульских могильниках Южного Зауралья и Северного Казахстана, где бисер также широко использовался для украшения головного убора, одежды, обуви, кос [Кривцова-Гракова, 1948, с. 67, 68, рис. 7; Сальников, 1952, с. 59; Сорокин, 1962, с. 55, 56, 62, табл. XXXVII, 5, 9–17; Потемкина, 1985, с. 185; Усманова, Логвин, 1998].

Вместе с бронзовым бисером повсеместно встречены в небольшом числе пастовые или гипсовые бусинки плохой сохранности. Только в одном случае ожерелье состояло целиком из пастовых (гипсовых?) изделий: бисера, коротких ребристых пронизей (5 экз.), дисковидных (3 экз.) и лагуритовой кольцевидной бусин [Исаков, Потемкина, 1989, с. 152, рис. 4, 2].

Пастовые бусы известны в степных культурах эпохи бронзы на широкой территории. Реже встречаются пастовые пронизи. Бусы из полудрагоценных камней типа лазуритовой (рис. 3, 21) в степных и лесостепных комплексах эпохи бронзы — большая редкость [Потемкина, 1985, с. 196–197; Аванесова, 1981, с. 36]. Они являлись распространенным видом украшений у земледельческого населения эпохи бронзы Средней Азии [Аскарлов, 1977, с. 74, рис. 33, 1; табл. XLII, LVIII; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 12, рис. 4; с. 20, 21, 25, 31; Хлопин, 1983, с. 28].

Крупные бронзовые бусы (285 экз.) встречены в 12 погребениях в количестве от трех-четырех до нескольких десятков. Все крупные бусы (за исключением одной литой диаметром 1,3 см) — кованые, изготовленные из литой проволоки шириной 0,4–0,7 см, толщиной 0,2–0,4 см, с сечением овальной, полуовальной и треугольной формы. Края в подавляющем большинстве сомкнуты. Диаметр бусин 0,9–1,5 см (рис. 1, 6, 7; 2, 2, 6, 7, 9; 3, 4, 17, 20).

Наблюдается несколько устойчивых вариантов местонахождения крупных бус [Исаков, Потемкина, 1989, с. 153–160]: 1 — у нижних эпифизов берцовых костей по одной-две бусины (4 случая) [Там же, рис. 6, IV]; в виде ряда из трех бусин, разреженных бисером (2) [Там же, рис. 7]; 2 — по плотной снижке из 28–34 бус у нижнего края берцовых костей в области щиколоток (5) [Там же, рис. 4, 1; 6, I, IV; 7] (см. рис. 2, 6, 7); 3 — в снижках вокруг берцовых костей в верхней их половине (1) [Там же, рис. 6, IV]; 4 — снижка из 10 бус вдоль больших берцовых костей [Там же, рис. 7]; 5 — ряд из 14 бусин под тазом [Там же, рис. 6, IV]; 6 — по две бусины у висков; 7 — по две бусины за тазом; 8 — среди мелкого бисера, украшавшего головной убор [Там же, рис. 7].

По месту расположения реконструируется несколько вариантов использования крупных бус не только как украшений, но и с утилитарной целью: 1 — в качестве пуговиц-застежек на обуви; 2 — для украшения верхней части обуви (башмаков, сапог), куда они нашивались в ряд; 3 — для обшивки низа штанов (шаровар); 4 — для ношения в виде снижек на щиколотках ног; 5 — как украшение пояса; 6 — в качестве височных подвесок в составе наконечников; 7 — как элемент узора, украшавшего головной убор или налобную повязку (входили в определенную композицию, составленную из бус различных размеров). Здесь уместно отметить, что наличие расшитого головного убора (или налобной повязки) отмечено в погребениях с богатым набором бронзового инвентаря, что может свидетельствовать об особом положении погребенных женщин.

Многочисленные примеры нахождения бус в области щиколоток погребенного известны в алакульской культуре в Западном Казахстане [Сорокин, 1962, с. 35], Южном Зауралье [Потемкина, 1985, с. 185, 194]; в федоровских памятниках Енисея [Максименков, 1978, с. 14, 15, 72, табл. LII–LIV] и Центрального Казахстана [Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 125–265, табл. XII]; в тазабагыбских погребениях [Итина, 1961, с. 48, 82, 83, рис. 28, 1, 2] и комплексах степной бронзы Средней Азии [Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 202, табл. XXIII; Аванесова, 1981, с. 35, 37, рис. 1; Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 98, рис. 3, 8]. В последнем случае сходство с крупными бусами Дашти-Козы особенно велико.

Вместе с крупными бусами в области щиколоток во всех случаях обнаружены бронзовые *обоймы* с заходящими краями, свернутые из бронзовых пластинок шириной 1,0–2,2 см (7 экз.) (рис. 2, 6а, 9а; 3, 15). Вероятно, они использовались в качестве застежек на обуви или для закрепления узлов шнурков, на которые были нанизаны бусы. Бронзовые обоймы также широко известны в степных памятниках эпохи бронзы, употреблялись в качестве украшения в самых разнообразных вариантах [Кривцова-Гракова, 1948, с. 112, рис. 35, 7; Кожемяко, 1960, с. 85, 88, рис. 5, 7, 9, 5; Сорокин, 1962, с. 59, табл. XXXIX, 8, 11, 12; Аскарлов, 1970, рис. 3, 8].

Ребристые пастовые (гипсовые?) *пронизи* из трех-пяти выпуклостей, длиной 1,3–1,8 см, диаметром 0,5–0,6 мм, со следами окислов меди (рис. 3, 5, 10, 19), встречены в шести погребениях: под нижней челюстью, у шейных позвонков и в области плеч, между бедренными и берцовыми костями. Такое положение позволяет предполагать ряд вариантов их использования: в составе ожерелья вместе с бронзовым и пастовым бисером; как украшения кос и, возможно, пояса в виде подвесок на концах. Ребристые пастовые пронизи также встречаются в андроновских, тазабагыбских, среднеазиатских степных памятниках, ссылки на которые неоднократно приводились выше.

Одна пастовая пронизь — трубчатая, из трех секций длиной 2 см каждая (рис. 1, 2), обнаружена в области стоп, видимо, являлась застежкой на обуви.

К числу редких пастовых (гипсовых?) украшений относятся плоские *бусы дисковидной и прямоугольной формы*, обнаруженные в двух погребениях (рис. 3, 12, 13). Найдены они в составе ожерелья в области шеи, под затылочной частью черепа и между верхними эпифизами берцовых костей. Из пяти крупных дисковидных бусин, диаметром 0,9–1,2 см, две орнаментированы с обеих плоских сторон круговым циркульным орнаментом [Исаков, Потемкина, 1989, рис. 4, 3]. Все пять круглых бусин имеют по два отверстия: одно — центральное — для нашивания на одежду; второе — сквозное, вдоль плоскости, — для нанизывания. Это позволяет предполагать использование бусин как в составе ожерелья, так и в качестве бляшек, пуговиц. Бусы прямоугольной формы имеют сквозное отверстие только вдоль продольной оси. Предполагаемое использование — для украшения волос в составе наконечника.

Аналогии дисковидным бусам имеются в могильнике Заманбаба, но там они изготовлены из каомина [Гулямов, Исламов, Аскарар, 1966, с. 154]. Есть все основания считать этот тип украшений специфически среднеазиатским, видимо заимствованным у земледельческого населения. По форме и способу расположения отверстий они напоминают каменные плоские бусы квадратной и округлой формы могильника Сапаллитепа [Аскарар, 1977, с. 74, 76, табл. XLIII, 1; XLV], гипсовые крестовидные бусы из Афганистана [Сарианиди, 1977, табл. II, 8; III, 6–8].

В зависимости от места ношения, украшения могильника Дашти-Козы можно разделить на несколько групп:

- 1) головные (серьги; височные кольца и подвески; головные уборы или налобные повязки, расшитые бусами; накосники из бус и пронизей);
- 2) нашейные (гривна; ожерелья из бус и пронизей различной формы);
- 3) нагрудные (бляхи-зеркала; бусы, нашитые на перед платья, вероятно всего в форме вставки-нагрудника);
- 4) ручные (браслеты, кольца);
- 5) ножные (бусы и обоймы в низках на ногах, а также нашитые на обувь или края штанин).

Одни из этих украшений (гривна, серьги, браслеты, зеркала-бляхи) принадлежали исключительно к конкретным группам; другие (бусы, бисер, пронизы, обоймы) являлись составной частью нескольких групп украшений и использовались в различных вариантах. Какие из этих украшений мужские, какие — женские, судить трудно. На основании корреляции инвентаря с имеющимися антропологическими данными можно предполагать, что украшения в основном присутствуют в женских погребениях. Имеется три достоверно женских погребения с украшениями и керамикой и два достоверно мужских, только с сосудами. Эти незначительные данные не могут служить основанием для выводов относительно того, носились ли украшения только женщинами или и женщинами и мужчинами, а если теми и другими, то какие из украшений были специфически женскими, а какие мужскими. В данном случае, видимо, определенную роль играли также возрастные особенности погребенных.

Вышеуказанные аналогии свидетельствуют, что преобладающая часть металлических и пастовых украшений могильника Дашти-Козы как по форме, так и по способу ношения относятся к числу традиционных, в том или ином сочетании встречающихся в комплексах степных и лесостепных культур эпохи бронзы Евразии (андроновской, срубной, тазабаягьбской и др.). Сходство форм украшений и совпадение в сочетании и размещении их в погребениях указывает на общий характер женской одежды.

В то же время наряду с типично степными украшениями присутствуют предметы, бытовавшие в основном у земледельческого населения (лазуриновая бусина, гипсовые плоские бусы прямоугольной и дисковидной формы, височное кольцо из литого бронзового прута, крючковидная серьга сумбарского типа), что указывает на смешанный характер населения в результате активных контактов. Многостороннее взаимодействие с местным населением пришлой группы, оставившей могильник Дашти-Козы, фактологически доказывается целым комплексом данных: обрядовых (конструкции погребальных сооружений и типы захоронений), антропологических (присутствие в могильнике различного антропологического типа населения — андроновского и средиземноморского), инвентарных (степные керамические традиции с влиянием земледельческих, особенности состава металлических сплавов бронзовых украшений) [Исаков, Потемкина, 1989, с. 162–165].

Интересны данные спектрального анализа бронзовых изделий, выполненного С. А. Агаповым в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН. Из 103 проанализированных металлических предметов из могильника основная часть (74 предмета) изготовлена на медной основе. Все крупные вещи (гривна, браслеты, бляхи-зеркала, пронизы, крупные бусы — 49 изд.) представляют собой оловянистую бронзу. Мелкий бисер изготовлен из сложного комплексного сплава на медной основе с искусственными примесями олова, свинца, мышьяка, сурьмы. Другая часть мелкого бисера отлита из очень специфического сплава, в котором роль основы выполняло олово, а медь, свинец, мышьяк и сурьма являлись искусственными добавками. Некоторые предметы изготовлены из металлургически «чистой» меди: крупная литая бусина, пластинчатая серьга (см. рис. 2, 1). В целом, если не считать части бисера из многокомпонентного сплава на оловянистой основе, химико-металлургические группы из могильника Дашти-Козы находят соответствие среди групп синхронного металла на севере Средней Азии, где оловянистые бронзы являются основными и наиболее многочисленными.

Высокая доля оловянистых бронз (60–80 %) характерна для металла всех степных памятников эпохи бронзы Зеравшанской долины, равно как и Семиречья, Киргизии, Приаралья, а также алакульских, федоровских и алексеевско-саргаринских памятников Центрального и Восточного Казахстана, Южной Сибири [Рузанов, 1987, с. 11–15; Агапов, 1990, с. 11–15; Аванесова, 1991, с. 80–81; Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 58]. Следовательно, и рецептура сплавов металлических украшений могильника близка степным комплексам эпохи бронзы, что указывает на связи с очагами металлургии и металлообработки Евразийской провинции.

Присутствие в памятниках культуры степной бронзы Средней Азии синтеза признаков различных культурных традиций андроновской общности свидетельствует, видимо, о длительности и сложности процесса продвижения степных племен в южном направлении. Несомненно, что в этом процессе участвовали различные культурные и этнические группы, составляющие как андроновскую общность, так и близкие ей культуры и общности степей — тазабагыбскую, срубную. Сходные исторические условия (экологические, хозяйственные, этнические и др.), сложившиеся в эпоху поздней бронзы, приводят к нивелировке культур степного типа. Это затрудняет на данном этапе исследований, при опоре только на аналогии, определение конкретной культурной принадлежности рассматриваемого памятника. Довольно трудно проводить и сами параллели по причине сравнительно немногочисленности материала и его своеобразия, отсутствия серии памятников степной бронзы на юге Средней Азии, территориального разрыва между ними. Однако многоаспектное изучение памятника благодаря сплошному вскрытию, наличие чистого одновременного комплекса позволяют интерпретировать обряд и вещественный материал могильника Дашти-Козы как степную культуру в новых исторических условиях.

Исходя из имеющихся на сегодня данных можно говорить о формировании в среде земледельческого массива Средней Азии из пришлого степного населения отдельных родственных групп, послуживших основой для сложения нескольких локальных вариантов культуры степной бронзы (возможно, нескольких культур). Их своеобразие определялось исходной территорией, временем продвижения, спецификой культуры местных земледельческих центров и характером взаимоотношений пришельцев и аборигенов. Ареалы среднеазиатских культур степной бронзы и их вариантов приурочены к территориям, прилегающим к речным долинам, которые не только являлись основными магистралями продвижения групп степного населения, но и облегчали связи, контакты и передачу накопленной в духовной и материальной сферах информации.

Один из таких локальных вариантов сложился в долине Зеравшана. Даже по имеющимся на данном этапе исследований немногочисленным материалам просматривается поразительное сходство комплексов степных памятников этого района. Могильники Гуджайли, Муминабад, Дашти-Козы близки по обряду захоронения (скорченно на левом боку головой на запад), набору и типам украшений, керамике [Гулямов, Исламов, Аскараров, 1966, с. 188–189; Аскараров, 1969, с. 56–62; Исаков, Потемкина, 1989]. В отличие от Дашти-Козы, в могильниках Гуджайли и Муминабад в силу разрушенности остается не совсем ясным характер надмогильных сооружений.

Очень близок указанным памятникам и могильник Кумсай из Южного Таджикистана. Авторы раскопок определяют его культурную принадлежность как андроновскую Зеравшанского варианта и считают возможным говорить об инфильтрации андроновских племен Зеравшанской долины на территорию Южного Таджикистана в конце II тыс. до н. э. [Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 110].

Инвентарь всех могильников степной бронзы Зеравшанского района наибольшее сходство имеет с тазабагыбскими древностями Приаралья и материалами позднеалакульских, смешанных алакульско-федоровских и ранних алексеевско-саргаринских памятников Центрального, Восточного и Южного Казахстана.

Общей чертой некрополей степной бронзы Зеравшанской долины является отсутствие в погребальных комплексах орудий труда, оружия и костей домашних животных. На наш взгляд, этот факт может объясняться следующим: 1) оторванность пришлых групп от традиционных источников металла степного населения — таким источником являлся прежде всего Центральный Казахстан — привела к дефициту металла и исключительно бережному к нему отношению; 2) удаленность от традиционных металлургических очагов и чужеродное окружение заставили пришлые коллективы больше консолидироваться и сконцентрировать в общинной семейно-родовой собственности имеющие большую ценность metallические орудия и оружие. В этих условиях особо ценные и необходимые в повседневной жизни вещи уже не сопровождали умершего в потусторонний мир. В могилу клали только предметы личного пользования — украшения и посуду, которые не определяли основу хозяйственной и социальной структуры общества, его силу и мощь, а лишь символизировали определенный социальный статус погребенного.

О концентрации основных средств производства в руках семейных общин или родов, а скорее, их верхушки свидетельствуют и многочисленные клады бронзовых вещей, обнаруженные в Средней Азии. Основная часть предметов кладов — это оружие и орудия труда: топоры, кинжалы, ножи, втки, тесла, долота, серпы, стрелы. Большинство кладов относится ко времени функционирования рассматриваемого могильника — Сукулукский, Иссык-Кульский, Дальверзинский, Шамшинский и др. [Кузьмина, 1966, с. 92, 94–95, 100 (№ 62, 67, 68), 102 (№ 98, 106, 109); Кожомбердиев, Кузьмина, 1980].

То же самое произошло и со скотом — основным богатством пришлых скотоводческих групп населения. В новых условиях скот был не только основным средством существования, но и предметом обмена и торговли с окружающим земледельческим населением. Каждая особь в стаде приобретает большую ценность. Животные уже не приносятся в жертву по случаю смерти сородичей. Нельзя исключать здесь и появления новых черт в погребальной обрядности — например, замены обряда жертвоприношений животных на возжигание жертвенного огня в ямах, сопровож-

даемое разного рода возлияниями. Яркие свидетельства подобных ритуалов как составной части погребального обряда обнаружены в могильнике Дашти-Козы: обширные кострища многократного использования со следами возлияний жидкости и жира [Исаков, Потемкина, 1989, с. 160–161, 165].

Обычай не сопровождать погребенных мясной пищей и орудиями труда появляется у андроновского (федоровского) населения еще на основной территории его обитания. Так, на Енисее, территории Обь-Иртышья кости животных и вещи производственного назначения в андроновских могилах встречаются крайне редко. Основным инвентарем являются посуда и бронзовые украшения [Максименков, 1978, с. 63; Молодин, 1985, с. 102–107].

Аналогичная картина наблюдается и в Центральном Казахстане. Если в могилах с алакульско-атасусской керамикой наряду с разнообразными украшениями присутствуют и предметы вооружения, то в погребениях с федоровской, смешанной алакульско-федоровской и алексеевско-саргаринской посудой встречаются лишь украшения [Курманкулов, 1988, с. 19; Ткачев, 1989, с. 97–102]. Все это свидетельствует о том, что в погребальном ритуале андроновского населения на поздних этапах его существования происходят определенные изменения, причины и характер которых еще не нашли достаточного освещения в литературе. Представляется, что новые элементы погребального обряда в первую очередь связаны с изменениями в хозяйственной деятельности степного населения эпохи бронзы — переходом к полукочевому и кочевому скотоводству. Поиски новых пастбищ для возросших стад и связанный с этим подвижный образ жизни приводят к упадку металлургического производства, широко развитого на стационарных поселениях периода развитой (средней и поздней) бронзы. Это проявляется прежде всего в том, что на поселениях конца поздней — финальной бронзы всей обширной территории степных племен, в частности алексеевско-саргаринского круга, значительно реже встречаются бронзовые вещи, особенно орудия. Подавляющая часть производственного инвентаря изготовлялась в это время из камня, кости, глины, включая и те предметы, которые в предшествующее время делались из бронзы (ножи, наконечники стрел, шилья) [Кривцова-Гракова, 1948, с. 73–100; Зданович Г. Б., 1970, с. 147–153; Зданович С. Я., 1979, с. 11–12; Потемкина, 1985, с. 64–73; 100–102, рис. 34].

Особенно яркие свидетельства, подтверждающие кризис металлургии в эпоху бронзы на финальном и переходном к нему этапах, имеются на поселениях Атасу и Мыржик в Центральном Казахстане, расположенных в районе, богатом медными рудами. В ранних строительных горизонтах этих поселений, связанных с алакульской и смешанной алакульско-федоровской керамикой, обнаружено значительное число мощных и сложных по тому времени медеплавильных комплексов, что свидетельствует об интенсивном занятии здесь медеплавильным производством. В строительных горизонтах более поздних поселений, с керамикой алексеевско-саргаринского типа, медеплавильные сооружения практически отсутствуют [Курманкулов, 1988, с. 8–11, 22; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 125–186, 236].

Опираясь на эти данные, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что одной из основных причин модификации погребальной обрядности является перемена в хозяйственной деятельности, а вслед за ней — в быту, семейных отношениях и социальной структуре. Реконструкция последних — вопрос специального исследования.

Дата представленного в данной публикации комплекса бронзовых украшений, как и самого могильника, устанавливается в пределах XIII–XI вв. до н. э. [Исаков, Потемкина, 1989, с. 163–164].

Литература

- Абетеков А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегермен-Сай // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 93–95.
- Аванесова Н. А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 67–72.
- Аванесова Н. А.* К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд: Сам. ун-т, 1981. С. 34–46.
- Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Агапов С. А.* Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 17 с.
- Арсланова Ф. Х.* Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 73–78.
- Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1969. Вып. 8. С. 56–62.
- Аскарлов А. А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 64–66.
- Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1977. 231 с.
- Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан. Ташкент: ФАН, 1983. 120 с.
- Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О.* Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.
- Варенов Д. В.* Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 163–172.

- Виноградова Н. М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. М.: Наука, 1991. Вып. 18. С. 68–88.
- Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. М.: Наука, 1990. С. 98–112.
- Генинг В. Ф., Ещенко Н. И.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье 1 // Из истории Сибири. Томск: Том. ун-т, 1973. Вып. 5. С. 53–64.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент: ФАН, 1966. 267 с.
- Зданович Г. Б.* Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 147–153.
- Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1979. 19 с.
- Исаков А. И., Потемкина Т. М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. №1. С. 145–167.
- Итина М. А.* Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. 1961. Вып. 5. С. 3–96 (Материалы Хорезмской экспедиции).
- Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 237 с.
- Кадырбаев М. К.* Могильник Жиланды на реке Ну-ре // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 25–45.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Кобанов Ю. Ф., Кожин П. М., Черных Е. Н.* Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 230–240.
- Кожмяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. Фрунзе, 1960. Т. 2, вып. 3.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–151.
- Комарова М. Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1952. № 24. С. 7–50.
- Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 59–164.
- Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 162 с.
- Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. 1966. Вып. В4-9. 149 с.
- Курманкулов Ж.* Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпак-Далы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемер. ун-т, 1988. 23 с.
- Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Кайрак-Кумов // Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Тр. АН ТаджССР. Душанбе, 1962. Т. 33. С. 89–300.
- Максименко Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 189 с.
- Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961. Т. 12. С. 62–71 (ТИИАЭ АН КазССР).
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 434 с.
- Марьяшев А. Н., Горячев А. А.* Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья. Алматы, 1999. С. 44–56.
- Матвеев А. В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матющенко В. И.* Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск: Том. ун-т, 1973. Вып. 11. 143 с.
- Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
- Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5.
- Попова Т. Е.* Керамика мелекесских курганов // Тр. ГИМ. 1953. Вып. 22. С. 53–62.
- Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 385 с.
- Рогожинский А. Е.* Могильник эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 7–43.
- Рузанов В. Д.* Древние сплавы Средней Азии // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1987. Вып. 21. С. 192–203.
- Сальников К. В.* Курганы на оз. Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.
- Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 171 с.
- Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 206 с.
- Ткачев А. А.* Новые погребальные памятники поздней бронзы — средневековья Сары-Арки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 85–103.
- Ткачев А. А., Ткачева Н. А.* Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 76–81.
- Усманова Э. Р., Логвин В. Н.* Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск, 1998. 64 с.
- Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983. 242 с.